

БЕЗМЕРНО трудны пути к высотам мастерства. То, что из долины поверхностного знакомства с искусством представляется вершиной виртуозности, на деле часто оказывается всего лишь суммой начальных профессионально-ремесленных навыков, после освоения которых художнику предстоит брать штурмом десятки труднейших перевалов. И чем дальше, тем труднее восхождение. Немногие таланты выдерживают его. Большинство останавливается на полпути. Ведь всегда можно оглянуться назад и с удовлетворением увидеть, что ты поднялся уже достаточно высоко!

Эмиль Гилельс на протяжении всего творческого пути ни разу не позволил себе этого. Обычно о художнике, которого с раннего детства, что называется, носили на руках, говорят: ему были созданы все условия для гармоничного развития таланта, его судьба сложилась счастливо. Первое — бесспорно. Второе, на мой взгляд, — сомнительно. Слишком раннее общественное признание не столь уж и значительное, если разобраться по существу, творческих успехов часто расслабляет, губит неокрепшую волю к труду.

Во второй половине тридцатых годов юноша Гилельс был уже, казалось, на вершине славы: премии на всевозможных и международных музыкальных конкурсах, десятки восторженных рецензий, похвалы от авторитетнейших мастеров. Труднейший искус! В том, что Гилельс успешно выдержал его, мне думается, неопенима роль Генриха Нейгауза. Выскательнейший художник Нейгауз, обладая редким даром чувствовать «нутро» ученика, научил его бережному отношению к замыслу композитора.

Применительно к творческому облику Эмиля Гилельса такое утверждение на первый взгляд может показаться не вполне убедительным. Уж очень распространено мнение, будто Гилельс — прежде всего виртуоз! Но это верно лишь в том отношении, что техника пианиста виртуозна в самом полном и точном смысле слова, что при воплощении замысла для Гилельса давно уже нет никаких исполнительских трудностей. С каким блеском, например, играет он Первый концерт Чайковского!

Коль скоро истина познается в сравнении, начну несколько издадала. Помните, как играет этот концерт Ван Клиберна? Безудержный размах страстей. Бурлящие кипение эмоций, подчас приводящее к грани, за которой драматизм оборачивается истерией, а душевный подъем — сентиментальным мелодрамматизмом. Юношеский задор. Пылкая искренность речи. Огромный «ораторский» звук, спящий блеск виртуозных пассажей, идущий опять-таки от пылкой увлеченности исполняемым...

Восстановите теперь мысленно трактовку концерта Львом Обориным. Классическая ясность целого. Соразмерность частей. Тончайшая отточенность деталей. Светлое, весеннее ощущение жизни. Неудержимая поступательная сила первой части, задушевная теплота лирики второй части, праздничное ликование финала — все это по-пушкински жизнелюбно, все просто той простотой, которая дается лишь зрелым мастерством...

Тот же концерт в исполнении Святослава Рихтера. Удивительное единение эмоционального размаха и строжайше дисциплинированного интеллекта. Императивная воля, с первых же могучих аккордов вступления не только властно ведущая за собой дирижера и оркестр, но даже моментами как бы подавляющая их. Тщательно продуманная концепция целого, при которой каждая фраза органично вытекает из предыдущей и рождает последующую, когда дозировка напряжения каждой кульминации при всем драматическом напоре

СОВЕРШЕНСТВУ НЕТ ПРЕДЕЛА

рассчитана с почти аптекарской скрупулезностью...

И вот, наконец, трактовка Эмиля Гилельса. Тот же виртуозный размах, неумная жизненная сила, что у Вана Клиберна. Но при этом звуковая ткань строжайше организована волей умного и тонкого мастера. Возникает некоторая аналогия с подавляющей грандиозным размахом, эмоциональным напором и в то же время математически продуманной во всех драматургических ракурсах и соотношениях концепцией Рихтера. Но Гилельс проще, яснее, непритязательнее. Солнечный оптимизм, строгая убедительность фразировки, настойчивые поиски не только самого впечатляющего, но и самого простого решения исполнительской задачи заставляют вспомнить Льва Оборина.

Мне кажется, в таких сравнениях полнее раскрывается своеобразие ярчайшей творческой индивидуальности Эмиля Гилельса, анализ которой прост лишь на первый взгляд. Да, Гилельс — виртуоз, доведший техническое мастерство до грани мыслимого совершенства. Но мастерство его сплит своим блеском лишь в тех случаях, когда подобный эффект входит в качестве компонента в задуманный автором музыкальный образ. Вообще же оно полностью подчинено задаче раскрытия содержания произведения. Да, Гилельсу органически присущ огромный исполнительский темперамент. Но пианист никогда не отдается бездумно во власть ему, а ставит и эту сторону своего творческого «я» на службу самой музыке.

В сущности, за последние годы Гилельс стал пианистом, которому в той или иной степени доступно в фортепианной музыке буквально все — от Скарлатти до Прокофьева, от Бетховена до де Фальи. Не так уж много в истории пианизма случаев, когда исполнитель в течение одного сезона играл цикл, включавший сложнейшие инструментальные концерты, как это сделал Гилельс несколько лет назад.

Каковы пожелания, которые можно было бы высказать Эмилю Гилельсу на будущее?

Разнородные элементы, составляющие его артистическую натуру, объединяются в органически стройное целое. Но это целое — не застывшая данность. Соотношение элементов в нем неуловимо меняется (и это закономерно для столь страстно ищущего художника!). Если у юноши Гилельса большая роль в творческом почерке играл виртуозный блеск, то в дальнейшем примат перешел к исполнительскому темпераменту. Затем настала пора увлечения архитектурной, отточенностью деталей. Сейчас в творчестве пианиста, судя по всему, начинается период полной зрелости. Весь безгранично богатый арсенал выразительных средств его техники поставлен на службу раскрытия замысла, и, что самое существенное, классически ясными в своей простоте, логически неотразимыми становятся при этом исполнительские концепции. Однако в процессе этого подчас проявляются некоторая сухость, аскетичность эмоций. Это, собственно, единственное замечание, но и оно вызвано своего рода болезнью роста, переживаемой пианистом сейчас.

...Странно, вероятно, звучат слова эти применительно к зрелому мастеру. Впрочем, почему же странно? Ведь творческая неуспокоенность, непрерывный рост, а следовательно, и болезни роста как раз и есть признак подлинного большого таланта. Совершенству нет предела!

ИН. ПОПОВ